

СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В. П. Андреев

(Томский архитектурно-строительный университет)

На рубеже тысячелетий пока не ясны, не просматриваются контуры нового миропорядка. Планета превращается в единый организм, которому свойственно новое единство и новые противоречия, что определенно показали террористические акты 11 сентября 2001 г.

России предстоит еще найти себя в новом миропорядке, увидеть свои возможности и избавиться от иллюзий. Распад СССР, поражение “холодной войне”, приход к власти либерал-радикалов породили иллюзии сравнительно быстрого вхождения России в “цивилизованное сообщество”, надежды на то, что “Запад нам поможет”.

Между тем, драматические перемены 1990-х годов пока не осмыслены правящей элитой, не осмыслено изменение положения, места Сибири в геополитических и национально-государственных интересах России. Сибирь призвана сыграть существенную роль в качестве стабилизатора в динамике развития Евразии и АТР с учетом крайне неудачного хода либеральных преобразований.

Тотальная либерализация внешнеэкономических связей имела катастрофические последствия для отечественной экономики. Слишком быстро открыв свой внутренний рынок, руководство страны не предприняло соответствующих мер по его защите от массивного потока потребительских и машинотехнических товаров из дальнего зарубежья. Отсутствие действенного механизма регулирования импорта в сочетании с неконкурентностью многих отечественных товаров на внутреннем рынке обернулось “товарной интервенцией”, привело к небывалому падению отечественного промышленного производства. Это усилило и без того значительную сырьевую ориентацию экономики России. В условиях небывалого падения промышленного производства в целом, и падения добычи нефти ее экспорт постоянно увеличивался, составив в 1997 году 127 млн. т. (более половины всей добытой нефти в стране). Возросли физические объемы экспорта нефтепродуктов, газа, что стало главным источником валютных поступлений страны и поставило ее в прямую зависимость от конъюнктуры мировых цен. Возможности наращивания вывоза углеводородного сырья уже исчерпаны. Наиболее перспективные месторождения нефти истощены, на ведение промышленной разведки, бурение новых скважин у нефтепромышленников, естественно, нет средств, происходит “проедание” того, что создано в советское время. По мере выхода экономики из кризисного состояния возрастут

собственные потребности в топливе, минеральном сырье, которые станут остродефицитными.

Добившись положительного сальдо во внешней торговле, руководство страны еще более ухудшило и без того нерациональную структуру импорта. Импорт серьезно потеснил отечественного производителя - 83% кузнечно-прессового оборудования, 71% металлорежущих станков, 50% - тракторов. Внутренний рынок потребительских товаров попал в полную зависимость от стран дальнего зарубежья. Доля этих товаров в объеме продаж составила в 1997 году по мясу и мясопродуктам 36 %, маслу животному - 39%, растительному - 60%, мясу птицы “ножки буша” - 78 %, холодильникам - 33%, стиральным машинам - 55%, шелковым тканям - 66 %, телевизорам - 82%, обуви - 89%¹. Свои фабрики и заводы стоят, огромные средства тратятся на импорт потребительских товаров. Только в 1997 г. на закупку продовольствия из-за рубежа затрачены валютные ресурсы примерно равные выручке годового объема экспорта нефти!

Засилье иностранных товаров (в большинстве своем некачественных) на потребительском рынке приобрело в современных условиях исключительную остроту и социальную значимость. Известно, что в развитых странах превышение доли импорта 25 % по отношению собственному производству рассматривается как угроза национальной безопасности.

Августовский дефолт 1998 г. обнажил несостоятельность “реформ” и “реформаторов”. Страна оказалась на грани катастрофы и лишь умелые действия премьера Е.М. Примакова позволило ее избежать. Но нет худа без добра! Дефолт вызвал волну импортозамещения в стране, что благоприятно сказалось на легкой и пищевой промышленности, отчасти и на сельском хозяйстве. Обозначился “точечный рост” в других отраслях промышленности, регионах, например, в Кузбассе, который относится к числу наиболее индустриально-развитых районов страны, занимая по объему промышленного производства 14 место в России. Начавшийся рост не восполнил падения производства 90-х гг. По данным департамента экономики Администрации области наиболее значительное снижение произошло в легкой промышленности, - более чем в 10 раз, машиностроении - 4, 5 раза, химической промышленности - 3,7 раза, черной металлургии - почти в 2 раза.

Оживление черной металлургии, химической и угольной промышленности увеличило спрос на продукцию машиностроения, который был удовлетворен за счет импорта из дальнего зарубежья. В 2000 г. Кузбасс импортировал машин и оборудования на сумму более 98 млн. долларов. Среди основных импортеров - Германия, Великобритания, США, далее Украина. Причем, импорт 2000 г. из стран дальнего зарубе-

жья вырос почти на 34%, из стран СНГ – на 8%. По мнению экспертов департамента экономики, большинство этих заказов могли выполнить машиностроительные заводы Кемеровской области, значит и деньги бы остались бы в регионе, послужили структурной перестройке кузбасской экономики. Однако поддержку получил зарубежный производитель.

Тем самым усугубляется сырьевой характер экономики области, собственное машиностроение лишается возможности развития. Понятно, ведь закупается оборудование, которое не производится на месте. Однако закономерен вопрос, зачем поддерживать экономику других стран, тратя валюту, закупать, то, что можно произвести в Кузбассе или соседних областях?

Справедливости ради, следует заметить, что Администрация Кемеровской области последние годы достаточно последовательно работала над устранением этого перекоса. Часть освободившихся мощностей оборонных заводов была передана на выпуск оборудования для металлургической и горнодобывающей промышленности. Так, преодолевая многочисленные трудности, Юргинский машзавод осваивает выпуск угольных комбайнов, другой горнодобывающей техники.

На кузбасский рынок продолжают рваться иностранные фирмы. Политика Администрации области нацелена на резкое сокращение промышленного импорта, на то, чтобы подвести иностранных партнеров к мысли о создании совместных предприятий в Кузбассе по выпуску оборудования для металлургии, горной промышленности на основе передовых западных технологий. Это даст экономию валюты, новые рабочие места, поступление в бюджет. В перспективе – возможности экспорта в третьи страны.

Необходима выработка стратегических приоритетов промышленной политики. Центру и регионам давно следовало бы определиться, на какие секторы и производства делать ставку в долгосрочной перспективе. Необходимо отыскать источники промышленного роста.

Центр, используя природные богатства Сибири, реализует одно из направлений промышленной политики - энергосырьевую специализацию страны. Срабатывается инерция мотовства, превалирует чисто потребительская логика, каждый провал правительство компенсирует усилением нагрузки на импортный потенциал восточных районов, прежде всего на нефтегазодобывающий комплекс. Это психология временщика по отношению к огромной территории за Уралом. Оставаясь сырьевым экспортером, Россия обрекает себя на зависимость от конъюнктуры мирового рынка. Любое снижение мировых цен на нефть, газ, металл самым драматическим образом сказывается на российском бюджете. Как показали исследования Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ориентация на ТЭК, сырьевой комплекс в долгосрочной

перспективе эквивалентна консервации уровня жизни для большинства россиян. Сырьевые отрасли характеризуются низкой трудоемкостью, а стоимость рабочего места в энергосырьевом комплексе на порядок выше, чем в обрабатывающих отраслях. Надежды на то, что сырьевой сектор будет способствовать появлению финансовых ресурсов, достаточных для возрождения обрабатывающей промышленности, маловероятны. Этих ресурсов едва хватит на поддержание основных фондов сырьевых отраслей. Уровень доходов сырьевого сектора соразмерен инвестиционным потребностям России, в лучшем случае они могли бы сыграть вспомогательную роль в оживлении обрабатывающей промышленности, отмечает секретарь отделения экономики РАН, академик Д.С. Львов².

Безосновательны упования на помощь Запада. Размер вложений в нашу экономику за все время реформ по самым оптимистическим оценкам - 11 млрд. долларов (Китай получил более 180 млрд.). Это при российском ежегодном экспорте в 50-70 млрд. Для инвестирования предлагался газ Ямала, автомобильные заводы, но дальше протокола намерений дело не пошло, - замечает А. Паршев, автор книги "Почему Россия не Америка".

Вопрос об инвестициях стал инструментом политического давления. "Снимите Гайдара - не получите 24 миллиарда", "Разгоните парламент - получите инвестиции" и т.д. Политические риски капитал не страшат. Не боясь Зюганова и Жириновского, множество акул банковского бизнеса вложили деньги в "пирамиды ГКО" (во много раз больше, чем прямые инвестиции в производство за все время реформ, по минимальным оценкам - 70 млрд. долларов, зная, что "пирамида" рано или поздно рухнет). "Дойче банк" вложил в ГКО 40 % своих активов³. При финансированном, заранее обещанном проценте вкладывали, и с удовольствием, в ГКО, но не в производство!

Запад готов вести импорт, скупать ресурсы, вплоть до хоккеистов, программистов, но с инвестициями не торопится, направляет их в Таиланд, Малайзию, коммунистический Китай, но не демократическую Россию. Публицист А. Паршев пытается раскрыть причины этого парадокса.

Уже достаточно давно возникло мнение, что глобализация не является панацеей от всех бед для всех стран (события 11 сентября 2001 г. это подтвердили). Самое неприятное, что новый экономический порядок предполагает деление на победителей ("Золотой миллиард") и побежденных - остальной мир, который будет стремиться получить шанс на достойную жизнь, но скорее всего такого шанса не получит. В числе "побежденных" оказалась и Россия.

В России, по мнению А. Паршева, воедино собрались все препятствия для преуспевания в новом мировом порядке. Наша рабочая сила

по сравнению с “новоиндустриальными странами” не так уж дешева. Российская экономика не сможет выжить в условиях глобализации и составить конкуренцию западным странам. Она была и во многом останется неконкурентноспособной. Не потому, что русские не хотят или не умеют работать. Промышленность, экономику в целом делают неконкурентноспособной географические факторы: суровость климатических условий, огромные расстояния, и пр. По объективным причинам издержки производства в Сибири, в России в целом, всегда будут больше, чем в странах с более благоприятными условиями. Не случайно промышленное производство смещается в “новоиндустриальные страны”, где теплый климат сочетается с более дешевой рабочей силой. Российская промышленность остается инвестиционно малопривлекательной, а ведь на ожиданиях притока капитала строилась стратегия младореформаторов начала 90-х гг.

Это осознается руководством сибирских регионов. Так, первый заместитель главы администрации Алтайского края Н.А.Чертов отмечал, что разговорами об иностранных инвестициях тешим себя иллюзиями и вводим народ в заблуждение. “Инвестиции, необходимые для стабилизации и подъема экономики, в Россию никогда не пойдут. Когда мы анализируем динамику иностранных инвестиций, как на краевом, так и на федеральном уровне, бросается в глаза их мизерный объем, совершенно не отвечающий нашим потребностям”⁴.

Чрезмерная либерализация внешнеэкономических отношений, по его оценке, стратегическая ошибка. Государство должно взять под контроль, вплоть до введения монополии, вывоз из страны ресурсов, как общенационального достояния. Стереотип о неисчерпаемости наших природных ресурсов не соответствует действительности, необходимо перекрыть каналы вывоза капитала за рубеж законодательными мерами.

Эта точка зрения разделяется отделением экономики РАН. Ученые не претендуют на непосредственное формирование экономической политики. Претензии к власти состоят не в том, что она проводила “не их политику”, а в том, что она по сугубо идеологизированным соображениям отбрасывала предупреждения ведущих экономистов страны о том, куда приведет политика российского руководства. В общей технологии принятия ответственных государственных решений, по мнению ученых, отсутствует такое важное звено, как институт общественной, научной экспертизы. Это звено по их мнению надо восстановить - парламент России должен принять решение, согласно которому ни один крупномасштабный проект, связанный с реализацией социально-экономической политики, - бюджет, налоговая система, коммунальная реформа, управление государственной собственностью и т.д. - не может приниматься без научной экспертизы. Такая экспертиза должна стать одним из усло-

вий принятия верховной властью тех или иных стратегических решений. Роль научного эксперта должна быть законодательно закреплена за Российской Академией наук.

Существует еще одна, не менее важная сфера взаимодействия науки и власти, - решение сложнейших вопросов, относящихся к выработке долгосрочной стратегии развития страны, что выходит за пределы власти как таковой. В решении этой проблемы центральная власть могла бы рассчитывать на поддержку РАН. По мнению академика Д.С. Львова, речь должна идти о возрождении в рамках РАН работы по подготовке Комплексной программы научно-технического и социально - экономического развития России до 2020 г⁵.

К сожалению, наука выпала из числа государственных приоритетов. Это стало причиной резкого падения престижа научного и инженерного труда, особенно среди молодежи (отток в коммерческие структуры, “утечка мозгов” за рубеж). Страна потеряла значительный интеллектуальный потенциал. В свое время либерал-радикалы хотели “реструктурировать” Академию наук (она-де “устарела” как угольные шахты Приморья), ликвидировать как пережиток “проклятого прошлого”, передав всю науку в университеты. Половину институтов закрыть, оставшиеся пустить в свободное плавание по “волнам рыночной экономики”. Однако РАН, вузы проявили удивительную живучесть, активно работая, выжили в “либеральных” потрясениях 90-х гг., продолжают научные разработки фундаментального так и прикладного характера.

Основной экономической козырь страны, по мнению ученых, не природные ресурсы, а высокие технологии. Пока еще сохранился интеллектуальный ресурс, не растерян полностью научно-технический потенциал, сохранились очаги элитной промышленности. Значительное число “накоградов” расположено в Сибири. Около 90 % электронной промышленности бывшего Союза после известных событий 1991 г. оказалось на территории России.

За годы советской власти в Сибири сформировался второй после Москвы центр академической науки, значителен вузовский сектор. Ясно, что именно наука и наукоемкие технологии должны обеспечивать успешное развитие страны в новом столетии. Кроме Новосибирска, Томска, мощные научные центры сложились в Иркутске, Красноярске, Владивостоке. Как центры академической науки заявили о себе Омск, Кемерово, Улан-Удэ, Хабаровск, Магадан. “Силиконовой долины” в Сибири пока не появилось, но предпосылки ее появления имеются в Томске и Новосибирске.

Уровень развития научно-технической сферы явственно определяет границы между богатыми и бедными странами, создает основу эко-

номического роста, является важнейшим фактором конкурентоспособности страны и обеспечения национальной безопасности.

Серьезным испытанием может стать вступление страны в ВТО, придется считаться с нормами и правилами этой организации. От нас потребуют снижения пошлин на ввоз продукции. Вновь могут пострадать интересы отечественных предпринимателей. Вступление в ВТО может перечеркнуть усилия по возрождению легкой, обувной промышленности. Под угрозой, например, может оказаться АО “Вестфалика”, объединившая 12 обувных предприятий Сибири. Создатели фирмы начали с восстановления развалин гальванического производства “завода “Комета”. Через год восстановили корпус, наладив выпуск цигейковых шубок, меховых пальто для детей, подкладок для зимней обуви, затем освоили выпуск летней и зимней обуви, обмундирования для армии. Успех во многом был связан с энергией, предприимчивостью основателя фирмы, бывшего офицера М.В. Титова. Природный ум, коммерческая жилка, упорство и целеустремленность противостояли чиновно-мафиозному беспорядку, а совесть, опыт работы с людьми позволили найти и сплотить единомышленников⁶.

Реализуемая до настоящего времени политика Центра кроме развала и разочарования большинству населения ничего не дала. Поспешное вступление в ВТО может усилить процессы ренатурализации жизни отдельных слоев населения и ряда регионов. Реформы Гайдара приучили огромную массу населения жить с собственного подворья, с “шести соток”. Существовавшие и в советские времена анклав традиционализма в 90-е годы заметно расширились. Целые области и края стали депрессивными. Свыше половины населения Алтайского края получает доходы ниже прожиточного минимума, находится за чертой бедности. Еще хуже положение в республике Горный Алтай. По данным социологов в ряде районов до 90% населения - за чертой бедности. Среднедушевой доход - 474 руб., а прожиточный минимум - 1180 руб. Личное хозяйство (2-3 коровы, свиньи, молодняк и пр.), да промысловая деятельность (охота, сбор дикоросов) как-то обеспечивают существование. Все работы - вручную, лишь эпизодически используется сельхозтехника, сохранившаяся с советских времен. Торговля, закупки продуктов, обслуживание туристов требуют минимум рабочей силы. Характерно, что там, где сохранились колхозы и совхозы, выше отдача от личного подсобного хозяйства⁷.

Ренатурализация, закономерный эффект “рыночных преобразований”, характерна для многих территорий Сибири. Стремясь выйти из нищеты, руководство горной республики ухватилось за идею создания каскада ГЭС на Катунь. К строительству гидроэлектростанции подступали еще в 80-е гг. Тогда на пути стали экологи, доказавшие, что возведение гид-

роузлов на Катунь нанесет природе горного края непоправимый ущерб. Сейчас мнение экологов проигнорировано. Дешевая электроэнергия должна изменить облик горной республики, можно будет начать ее поставки в степной Алтай, в Китай и Монголию. Просочилась информация, что среди инвесторов - одна из американских корпораций, которая собирается строить и заводы по утилизации отходов, которые повезут с Запада. В итоге Алтай рискует потерять свою первозданную ценность и привлекательность, особенно для туризма. Соблазн совершить резкий промышленный рывок заманчив, но экологические последствия не просчитываются, на что обратили внимание в соседнем Кузбассе⁸.

Определенные перспективы развития Алтай связывает и с созданием транспортного перехода в Западный Китай (Синцзян). Намечается строительство газопровода, изучается вопрос о строительстве автомобильной дороги, которая связала бы юг Сибири с китайской Синцзяном, минуя Казахстан.

Заметим, что Сибирь, вся Россия все чаще рассматривается как глобальный транспортно-коммуникационный мост между Западом и Востоком. Сама историческая судьба предопределила России быть связующим звеном между западноевропейским и быстрорастущим азиатско-тихоокеанским регионами. По образному выражению академика РАН Н. Моисеева - "путь из англичан в китайцы"!

Использование территории, воздушного пространства России может стать одним из звеньев складывания единых мировых коммуникаций. Немалый выигрыш всем партнерам сулит совместная эксплуатация Северного морского пути с помощью атомных ледоколов России, которые пока "на приколе". Немалые выгоды принесут транзитные перевозки по Транссибу, что потребует реконструкции железнодорожных узлов Сибири. Недавно Транссиб соединился с транскорейской магистралью. Российская сторона приступила к строительству моста через Татарский пролив, проектируется железнодорожный тоннель Хоккайдо - Сахалин. Тем самым Япония получит железнодорожный выход на азиатский материк через Сахалин.

В связи с распадом СССР и утратой самых крупных портов на Балтике встал вопрос о новых транспортных коридорах в Западную Европу. Тогда-то и вспомнили о бухте Индиго в восточном секторе Баренцова моря, ее ледовый режим достаточно благоприятен для плавания в течение 9 месяцев в году. Небезынтересны обстоятельства ее открытия.

Сдерживающим фактором освоения Сибири была и остается слабость развития коммуникаций. Создание Транссиба лишь ослабило остроту проблемы, а установление челябинского тарифного перелома препятствовало развитию сибирского экспорта. Попытка создания смешан-

ного пути - железной дороги Тюмень-Екатеринбург, Пермь-Котлас и далее речным путем до Архангельска – не решило проблемы.

Поэтому не случаен поиск выхода к северным морям, ставка на освоение Северного морского пути. На рубеже 19-20 веков развернулось интенсивное изучение ледового режима северных морей, в которых участвовал тогда еще морской капитан А.В. Колчак. Результатом изысканий стали предложения о создании порто-франко на Ямале и в устье Енисея, где в советское время и были созданы морские порты. Возник проект создания порта и в бухте Индиго, дополненный строительством высокоширотной железнодорожной магистрали Томск - Тобольск - Верхотурье - бухта Индиго. Это должно было обеспечить экспорт сибирского леса, сельхозпродуктов, а также создание комплекса предприятий лесохимии в зоне магистрали.

Развитие транспортной инфраструктуры создаст условия для расширения экономических и прочих связей с Западной Европой, Казахстаном, КНР. Перспективными являются отношения со странами АТР, лозунг “Лицом к Востоку” должен быть приоритетным. В качестве первоочередных следует выделить отношения с Японией и Китаем, определяющими центрами силы в АТР, вероятными центрами формирующегося многополюсного мира.

Все отмеченные факторы отражают тенденцию превращения Сибири не только в географический центр страны, но и делают ее ядром, способным придать устойчивость геополитическому пространству России, которое было серьезно нарушено вследствие распада СССР.

Беловежское соглашение перечеркнуло многовековые усилия по обеспечению безопасности основного этнического и экономического ядра России: “внешний пояс” - союстраны Восточной Европы; внутренний - бывшие союзные республики. Самороспуск Варшавского договора резко ухудшил геополитическое положение и стратегическую безопасность страны.

Утрата значительных территорий, “поясов безопасности”, значительного экономического потенциала требует серьезных корректировок геостратегии России. Именно Сибирь должна превратиться в “опорный край державы”. Все отчетливее звучит мнение о необходимости в интересах будущего страны “цивилизованного маневра”, переноса тяжести ее развития за Урал, что, не в последнюю очередь, связано с вызовом динамично развивающихся стран АТР. Основанием для такого “цивилизованного маневра” являются не только геополитическое положение Сибири, ее природные ресурсы, но и экономический, и научно-технический потенциал. Природные богатства края предопределили в свое время стратегию его освоения, создания мощнейших энергетических систем, территориально-промышленных комплексов. Экономика

Сибири представлена крупнейшими предприятиями (5% предприятий дают свыше 80 % продукции региона), часть которых имеют высокие и уникальные технологии. Сохранился и продолжает развиваться крупнейший в мире научно-образовательный комплекс.

Итак, развитие Сибири и Дальнего Востока становится определяющим фактором формирования национально-государственных интересов России. Для этого необходимо мобилизовать не только политические механизмы, но и эффективно использовать объективные факторы: географическо-пространственный, природно-сырьевой, научно-технический, производственно-экономический, коммуникационно-транспортный. Все это не в последнюю очередь зависит от политики Центра.

¹ Россия в окружающем мире. Аналитический ежегодник. М., 1999. С. 42-43.

² Львов Д.С. Развитие экономической России и задачи экономической жизни. М., 2000. С. 66.

³ Паршев А. Почему Россия не Америка? М., 2000. С. 22-23.

⁴ Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции: Материалы международной экономической информации. Барнаул. 2001. С. 16.

⁵ Львов Д.С. Указ. соч. С. 78.

⁶ Советская Россия. 2001. 3 окт.

⁷ Социологические исследования. 2001. № 9. С. 55-57.

⁸ Кузнецкий рабочий. 2001. 4 сент.